

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ БУРЯТСКОЙ ОДЕЖДЫ В XVIII ВЕКЕ*

В работе, основанной на литературных и архивных материалах, характеризуются социальные и этнолокальные различия в традиционной одежде бурят. Выявляется специфика в соотношении кожаного и тканого материала в одежде разных групп этноса. Обращается внимание на регламентацию одежды родовой аристократии в это время. Освещается значение русско-китайской торговли для развития этого компонента материальной культуры бурят. На примере одежды прослежены этнокультурные связи бурят с народами Центральной Азии и Южной Сибири.

Ключевые слова: этнография бурят, материальная культура, культура жизнеобеспечения, народная одежда.

Введение

Период, наступивший после вхождения Прибайкалья в состав расширявшегося на восток Русского государства, ознаменовался формированием на этой территории нового этноса – бурят. Официально признанной датой включения всех бурятских земель в российское этнополитическое пространство считается 1659 г. – отправная точка в старте качественно новых, этноконсолидирующих процессов. История образования бурятского этнического сообщества охватывает период с конца XVII до начала XX в., а если быть более точным – XVIII–XIX вв., когда сложилось общее этническое самосознание и были выработаны единые черты культуры. Каждый из компонентов традиционной культуры бурят, будь то духовная или материальная составляющие, за это время претерпел определенную трансформацию и модернизацию. Не осталась в стороне и народная одежда бурят, в которой нашли отражение как эндогенные процессы, связанные с поиском и выработкой этномаркирующих признаков, так

и экзогенные, являвшиеся следствием инокультурного влияния. В этом плане XVIII в. интересен тем, что представлял собой этап, когда вышеобозначенные процессы только набирали обороты и одежда бурят еще сохраняла свой прежний облик.

Сдерживающим фактором в разработке темы была и остается скудость информации; исследователи располагают лишь фрагментарными данными из малочисленных архивных и литературных источников. Возможно, поэтому до сих пор нет этнографической работы, в которой предлагалась бы реконструкция бурятской одежды XVIII в. Увидевшие свет труды отечественных исследователей в большинстве своем касаются конца XIX – начала XX в., когда традиционный бурятский костюм как культурный феномен уже сложился. Нельзя сказать, что современные этнографы вообще не обращались к сведениям XVIII в.; удачным примером их использования для выяснения генезиса и типологии одежды бурят второй половины XIX – начала XX в. является, в частности, монография Р.Д. Бадмаевой [1987].

Настоящее исследование посвящено выявлению основных тенденций в развитии одежды бурят в XVIII в. Для достижения поставленной цели были привлече-

*Исследование выполнено в рамках проектов РНП 2.2.1.1/1822 и 1.5.09 (ЗН-5-9).

ны как опубликованные, так и неопубликованные документальные источники рассматриваемого периода, а также научные труды по этнографии бурят.

Историческая реконструкция бурятской одежды

Согласно информации Э.И. Идеса, который совершил путешествие в Китай в 1692–1695 гг., в конце XVII в. приграничная торговля между Россией и Китаем была еще далеко не развитой. Отмеченные ученым ткани (красное гамбургское сукно, персидский крученый шелк разных расцветок), которые использовались бурятами при шитье одежды, вероятно, относились к числу европейских и среднеазиатских товаров, перепродававшихся и обменивавшихся русскими купцами на домашний скот [Идес, Бранд, 1967, с. 133]. Действительно, многолетние войны XVII в. между монгольскими (джунгарскими и восточно-монгольскими) ханами, крестьянская война и смута в стране, последующая маньчжурская агрессия совершенно расстроили традиционную торговлю Китая с центрально-азиатскими и южно-сибирскими народами. Традиционные торговые связи бурят, имевшие в дорусский период в основном северный (покупка пушнины у эвенков) и южный (приобретение тканей и металлических изделий китайского и центрально-азиатского производства) векторы развития, были нарушены [Залкинд, 1970, с. 86]. Прекратились поездки бухарских купцов в Прибайкалье, что было следствием междоусобицы в Монголии. Поэтому буряты в силу сложившихся обстоятельств были вынуждены удовлетворять свою потребность в тканях за счет импортного материала, поступавшего из Средней Азии и Европы через Западную Сибирь.

Нерчинский договор 1689 г., поставивший точку в русско-китайском военном противоборстве 1680-х гг., положением об открытии свободной торговли для китайских и русских подданных способствовал возобновлению торговых отношений. Тот же Э.И. Идес прибыл в Китай вместе с купцами и служилыми людьми из разных сибирских городов в составе одного из торговых караванов, которые снаряжались, как правило, раз в году. Первоначально подбор китайских тканей, доставлявшихся в Прибайкалье, был небольшой; привозили камку, а также китайку – плотную хлопчатобумажную ткань, как правило, синего, иногда красного или иного цвета [Хамарханов, 1988, с. 42]. В то время импортируемые из Китая товары не покрывали всех потребностей бурят, транспортируемые по территории Прибайкалья грузы уходили по большей части в западно-сибирские города и далее на запад. Кяхтинский договор 1727 г., установивший границу между Цинским Китаем и Российской империей, а также по-

рядок русско-китайской торговли, окончательно снял препятствия для двусторонней торговли. О том, что китайские ткани в широком ассортименте поступали на российский рынок, в частности, к бурятам, свидетельствуют документы Сибирского приказа середины XVIII в. (РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 9-1. Л. 26–28 об.; Ф. 24. Оп. 1. Д. 21–19). В перечне различных видов китайских тканей указаны, например, голеи, полуголеи, канфа, атлас, флер, фанза, шелк (сырой и сученный), китайка, тунхай, камый и др. (РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 9-1. Л. 26–28 об.). О возвращении прежней роли китайского импорта (через посредничество монголов) в жизни бурят говорится в сочинении М. Татаринова; в нем, например, в качестве пошивочного материала упоминаются различные китайские ткани – камка, магнут, соломенка и др. (Там же. Ф. 24. Оп. 1. Д. 70. Л. 12). Нельзя не отметить, что в первой половине XVIII в. китайка у бурят была средством ясачного платежа. В соответствии с «Инструкцией пограничному дозорщику Фирсову» 1728 г., которая подтверждала ранее изданный указ императора от 27 июня 1727 г., ясак с бурят брали как пушниной, так и китайкой, деньгами и даже быками (РГАДА. Ф. 24. Д. 1423. Л. 135). Позднее эта ткань все-таки перестала приниматься казной в качестве эквивалента «мягкого золота» и денег.

В XIX в. дорогие и дешевые сорта китайских тканей (шелк, парча, атлас, канфа, хлопчатобумажные далемба, даба и др.) широко использовались при пошиве одежды. В Прибайкалье завозилась также российская и европейская мануфактура (бархат, сукно, ситец, бязь, коленкор и др.), которую охотно покупало бурятское население. В условиях этого разнообразия сложилась традиция сочетать в народной бурятской одежде разносортные тканые материалы: верх праздничной и повседневной верхней одежды, головного убора обычно был из ткани китайского производства (состоятельные буряты использовали шелк, парчу и атлас, бедные – китайку и другие хлопчатобумажные ткани), а подкладку и нижнюю одежду делали в основном из российских тканей (ситец, коленкор и др.).

Выбор ткани для одежды зависел не только от социальной, но и от внутриэтнической принадлежности бурят. В местах, где охотничий промысел и скотоводство являлись основными источниками материала (шкуры, кожа) для изготовления одежды, буряты в меньшей степени использовали ткани. Ведь традиция изготовления верхней одежды преимущественно из кожи и меха постоянно транслировалась в культуре некоторых групп предбайкальских и присаянских бурят до XX в. При этом элементы такой одежды постепенно переходили из разряда повседневной и массовой в рабочую и бедняцкую.

В конце XVII в. основным материалом для изготовления зимней верхней одежды была овчина, у беднейшей части бурят – конская кожа и шкуры ди-

ких животных [Гирченко, 1939, с. 39]. В следующее столетие значение выделанных шкур животных сохраняется; в источниках упоминаются не только овечьи и конские, но и козьи, изюбровые, волчьи, лисьи и кабарговые шкуры (РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 70. Л. 12). Сохранялась идущая из глубины веков практика использования специально выделанных тонких видов кожи (жеребят, ягнят, коз, овец) как подкладочного материала для пошива верхней одежды. Выбор меха для декоративной отделки верхней одежды и головного убора определялся состоятельностью человека: богатые украшали одежду собольими шкурками с темным ворсом, мехом выдры, малоимущие обходились недорогими мехами. Социальная градация в применении кожного материала, по данным И.Г. Георги, прослеживалась и в XVIII в. [1799, с. 31].

Авторы XVIII в. отмечают различия в верхней одежде разных социальных групп бурят: простонародной являлась нагольная меховая шуба (обычно овчинная), которую не снимали и летом; состоятельные же буряты носили в зимнее время крытые (цветным сукном или шелком) шубы, опушенные дорогим мехом. Летней верхней одеждой служил матерчатый халат. Причем, если в конце XVII в. этот вид платья был единообразным по расцветке: Э.И. Идес пишет о халатах, сшитых из «скверного красного сукна» (немецкого), то столетием позже при отсутствии дефицита мануфактуры он становится более красочным, полихромным. Заметим, что впервые бурятское наименование халата – *тэрлиг* – приводится в сочинении М. Татаринова: буряты «летом носят и азямы* наподобие татарской по их называются **тырлык** (здесь и далее выделено нами. – А.Б.)» (РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 70. Л. 12).

В этой связи уместно вспомнить, что экспедицией Г.Ф. Миллера (1733–1743 гг.) был собран материал по бурятскому языку, который был сведен в «Лексикон братский», который и сейчас поражает достаточно точной передачей бурятских слов. Для нас интересны приводимые в этом сочинении слова, характеризующие комплекс одежды: *хунцагай* ‘одежда’, *дыгыл* ‘кафтан’, *самца* ‘рубаха’, *малагай* ‘шапка’, *гутул* ‘обувь’, *умудун* ‘штаны’, *белей* ‘рукавицы’, *буге* ‘пояс’, *аршур* ‘платок’, *урмугу* ‘холст’, *сенбе* ‘сукно’ (Там же. Ф. 199. Оп. 1. Порт. 513. Д. 9. Л. 5 об.). Конечно, этот свод не лишен ошибок, обусловленных, вероятно, сложностями межъязыкового общения в то время. Например, слово *аршур* дано в значении ‘платок’ (как головной убор), что в корне неверно, т.к. в более правильном написании *аршуул* ‘тряпка, полотенце (все то, чем можно вытирать или стирать)’ [Бурятско-русский словарь,

1973, с. 61]. Следует подчеркнуть, что в первой половине XVIII в. у бурят не было обычая носить платки (исключение составляли немногочисленные крещенные буряты, оторванные по причине смены веры от бурятского культурного пространства), это произошло значительно позднее, в конце XIX – начале XX в., под влиянием русской (православной) традиции, тогда же в языке предбайкальских бурят появилось слово *пуулад* ‘головной платок’. А вот слово *сенбе* ‘сукно’ в современном звучании *сэмбэ* свидетельствует, что эта ткань получила известность у бурят еще в дорусский период их истории. То же самое можно сказать и о зафиксированном Г.Ф. Миллером слове *урмугу* ‘холст’. Этимологически оно связывается с древнетюркским *ormok* ‘название одежды’, производными от него считаются средневековое монгольское *ormege-ormuge* ‘шерстяная ткань, грубое сукно’, а также бурятские слова *урмэгэ* ‘половик’ и *урмэг* ‘холст’ (предбайкальские буряты) [Аникин, 2000, с. 97]. Понятно, что в то время буряты не ткали холсты, но могли купить их у русских крестьянок. Вероятно, они присвоили русскому изделию из льна, конопля или хлопчатобумажной ткани название грубой шерстяной ткани.

В конце XVII в. в комплекс одежды предбайкальских бурят входили доха, зимняя нагольная или крытая шуба из овчины, наборный пояс или кушак, меховая шапка с наушниками, летний халат, сапоги, кожаные штаны [Хамарханов, 1988, с. 149; Идес, Бранд, 1967, с. 134]. Этот неполный список дает самое общее представление о бурятской одежде того времени.

Характеристика комплекса одежды предбайкальских бурят первой половины XVIII в. представлена в трудах Д. Белла, Д.Г. Мессершмидта и Я.И. Линденау. Я.И. Линденау первым описал основные элементы мужской одежды и привел для некоторых из них бурятские названия, что позволяет провести сопоставление с данными, относящимися ко второй половине XVIII в. [1983]. Материалы того периода дают пищу для размышлений по поводу возможных этногенетических связей предбайкальских бурят с другими этносами. В этой связи примечательно высказывание Д. Белла: «Что касается одежды и образа жизни, я не смог найти большого различия между ними (балаганскими бурятами. – А.Б.) и калмыками на Волге, отсюда заключаю, что они происходят от одних и тех же предков» (цит. по: [Зиннер, 1968, с. 57]). К этому мнению следует прислушаться, ведь до поездки в Сибирь Д. Белл совершил путешествие на Каспийское море и имел представление о калмыках и их одежде. В одежде балаганских бурят он отметил некоторые элементы, на наш взгляд, отличающие ее от костюма других предбайкальских бурят: «...мужчины носят **куртку**, реже шубу из овчины... **маленькую круглую шапку**, отделанную мехом с **помпоном (rassel) из красного шелка**» (цит. по: [Там же]). Сходство в одежде качуг-

*«Азям, озям, татар. – сермяга, долгий и полный крестьянский кафтан, верхний кафтан халатного покроя, без бор, из домотканины...» [Даль, 2001, с. 11].

ских (предбайкальских) бурят и калмыков находил и Д.Г. Мессершмидт. «Их одежда, – отмечал он, – была полностью калмыцкая, а именно: **длинная шуба**, которая запахивалась на груди (одна пола находила на другую), с **узкими рукавами**, сапоги из меха оленей или лосей, **широкая шапка**, наверху которой была **шелковая кисточка**» [Путешествие по указу..., 2003, с. 37]. Судя по цитируемым фрагментам текстов, их авторы, приводя разные описания, называли «калмыцкой» одежду предбайкальских бурят; единственное, в чем совпадают описания, – наличие шелковой кисточки на шапке. Возможно, эти описания дополняют друг друга и передают локальные особенности в одежде предбайкальских бурят. Выявление общего в одежде у части предбайкальских бурят и калмыков – результат попыток идентифицировать малоизвестный на тот момент народ, опираясь на имевшиеся знания о других этносах. Вышеназванные авторы, сами того не предполагая, соприкоснулись в Предбайкалье с культурой мигрантов из Джунгарии. Я.И. Линденау, участник Великой Северной экспедиции, позднее ставший начальником Балаганского уезда, находил общее в мужском костюме предбайкальских бурят и якутов. Исследователь, известный своим подробным описанием культуры якутов, нашел знакомые ему элементы якутской одежды у бурят. Вероятно, он был прав, т.к. культура основного ядра предбайкальских бурят (эхиритов и булагатов) содержала в себе следы этнокультурных контактов их предков с предками якутов. Другими словами, для авторов первой половины XVIII в. были бесспорными различия в происхождении этнотерриториальных групп предбайкальских бурят, что, по их мнению, проявлялось в одежде.

В источниках второй половины XVIII в., главным образом в работах М. Татаринова и И.Г. Георги, представлены материалы не только по мужской и женской одежде (с выделением девичьего костюма) предбайкальских бурят, но и хори-бурят, а также селенгинских. Таким образом, мы можем достоверно судить о трансформации одежного комплекса предбайкальских бурят и реконструировать одежду основных этнических подразделений бурят второй половины столетия.

По мнению И.Г. Георги, бурятская верхняя одежда повторяла «русские простонародные кафтаны с длинными борами и накидными полами» [1799, с. 31]. Исследователь, вероятно, хотел указать на наличие некоторых общих черт в этих видах одежды. Здесь, пожалуй, имеет смысл коснуться вопроса о том, к какому типу принадлежала верхняя одежда бурят. Как отмечал М. Татаринов, буряты «рукавиц ни в какие морозы не носят» (РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 70. Л. 12 об.), следовательно, в XVIII в. у них были распространены халаты восточно-азиатского типа с длинными рукавами. Очевидно, что сведения М. Татаринов собирал среди

забайкальских бурят, т.к. предбайкальские буряты, у которых преобладал южно-сибирский тип верхней одежды, в холода носили меховые рукавицы. Это подтверждается, например, материалами М.Н. Хангалова с описанием одежды «древних» предбайкальских бурят [1958, с. 206]. Косвенным подтверждением сказанного также могут послужить бурятские лингвистические материалы экспедиции Г.Ф. Миллера.

Верхнюю одежду буряты украшали лентами, которые пришивались по краям подола, обшлагов рукавов, ворота и верхней полы. Такой декор на бурятской одежде конца XVII в. отмечен калмыцким воином, рассказ которого воспроизведен в книге Н. Витсена: «Они (буряты. – А.Б.) носят одежду, которая обшита и вышита разными **суконными тряпками в виде украшения**» (цит. по: [Хамарханов, 1988, с. 155]). Позднее Я.И. Линденау писал об украшении шуб предбайкальских бурят по борту широкими красными лентами или нашивными лентами в сочетании с оторочкой бобровым мехом [1983]. Последнее замечание крайне любопытно, т.к. чередование в отделке шуб полос из меха выдры, реже бобра, с лентами из дорогих тканей (шелк, бархат) было отличительной особенностью зимней верхней одежды предбайкальских бурят. О такой заметной детали оформления одежды, как нагрудная нашивка *энгэр*, никто из вышеназванных авторов не упоминает; вероятно, она не сильно выделялась на фоне лент, а значит, этот декоративный элемент, призванный подчеркнуть этнолокальную особенность забайкальских бурят, появился в начале XIX в.

Единственное свидетельство о верхней одежде присаянских бурят имеется в портфелях Г.Ф. Миллера: «...платье носят зимою шубы козлиные и овчинные, а летом ергачи*» (РГАДА. Ф. 199. Д. 517-22, Л. 4 об.). Иными словами, зимой носили шубы из длинношерстных шкур (овечьих и козых), а летом – из короткошерстных.

Зимой поверх шуб надевали козий или волчий тулуп *даха***. Летом на халат набрасывали передник *хормойбио*, сшитый из разных тканей, в частности, из сукна (РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 70. Л. 12). Эти сведения М. Татаринов приводит безотносительно к какому-либо субэтносу. Чтобы связать их с конкретной этнической группой бурят, воспользуемся информацией исследователей более позднего времени, конца XIX – начала XX в., – Д.А. Клеменца и М.Н. Хангалова. В «Докладе по исследованию быта бурят»

*«Ергак, яргак – тулуп или халат из жеребьячьих, пыжиковых, козульих, сурочьих и иных короткошерстных шкур, шерстью наружу; иногда дают ему покрой нашей одежды; даха» [Даль, 2001, с. 859].

**«Даха – шуба, надеваемая шерстью вверх, наружу» [Там же, с. 684]

Д.А. Клеменц характеризует «древние» костюмы предбайкальских и хори-бурят (т.е. вышедшие из употребления к концу XIX в. и, по-видимому, использовавшиеся в XVIII в.). Даха «в виде сюртука с разрезом позади», по данным Д.А. Клеменца и М.Н. Хангалова, входила в одежду предбайкальских бурят (АИВ РАН. Ф. 28. Оп. 1. П. 3. Д. 105. Л. 46). Заметим, что разрез был необходим при верховой езде. Есть сведения и о более раннем варианте бурятской дохи – ее носили наброшенной на плечи [Потанина, 1890]. Вероятно, такая доха была идентична известному у тувинцев тулупу *чагы* из козьих шкур с длинным ворсом; его носили без пояса и пуговиц, как бурку, на плечах [Даржа, 2003, с. 125]. Буряты изготавливали дохи не только из козьих, но и из собачьих, а также волчьих шкур. Русское старожильское население позаимствовало бурятскую доху – в зимнюю стужу ямщики накидывали на шубу козью или считавшуюся еще более теплой собачью доху (особенно ценились дохи из шкур одноцветных черных собак, которых выращивали для этих целей) [Попов, 1925, с. 95].

Довольно противоречива информация о том, что собой представлял в изучаемое время передник *хормойбишо*. Ренье описывает его как поясной «платок или кусок ткани», которым повязывали праздничную верхнюю одежду [Зиннер, 1968, с. 196]. Р.Д. Бадмаева ошибочно считает, что И.Г. Георги назвал передник «накидными полами» и даже разъяснил: это «женская поясная одежда в виде двух прямоугольных кусков ткани, которые крепились на поясе поверх халата» [1987, с. 19]. По нашему мнению, словосочетание «накидные полы» означает запэх – заход одной полы одежды на другую. В описании И.Г. Георги мужской одежды сообщается, что верхняя одежда имела «долгие боры и **накидные полы**» [1799, с. 31]. От определения передника как исключительно женской одежды следует отказаться, поскольку оно не находит подтверждения ни в одном из рассматриваемых нами сочинений XVIII в. Ответ на вопрос, каким был передник *хормойбишо*, мы находим у Д.А. Клеменца. Исследователь именуется его *харамокишин* и относит к древнему костюму хори-бурят. По описанию сибирского этнографа, передник выглядел как «род двух запонов*, надеваемых с обеих сторон, края запона сходятся впереди и сзади» [АИВ РАН. Ф. 28. Оп. 1. П. 3. Д. 105. Л. 46].

Комплекс верхней мужской одежды хори-бурят, вероятно, включал меховую куртку *хурмэ*, которую надевали поверх шубы во время верховой езды зимой. Сравнение этнографического материала по тюрко-монгольским народам Центральной Азии и Юж-

ной Сибири позволяет с уверенностью утверждать, что в прошлом подобные меховые куртки были распространены у многих скотоводов Центральной Азии, по функциональному назначению и конструктивным особенностям они близки дохе. Этнические слова, обозначающие их, один в один повторяли бурятское название куртки – например, у тувинцев такая куртка именовалась *хурме* [Даржа, 2003, с. 125–126]. Этимология этого слова выводится из монгольских языков (п.-монг. *kurme* ‘куртка’, монг. *хурэм* ‘куртка’). В русско-сибирских говорах и в некоторых аборигенных языках народов Сибири под *курма* понимается разновидность женской верхней одежды [Аникин, 2000, с. 330], что свидетельствует о возможном включении изначально мужского типа одежды в женский костюм.

Куртка, как предполагает В.К. Даржа, исконно была частью одежды тюркского воина-кочевника, которую надевали поверх доспехов; сшитая из волчьих шкур, она символизировала принадлежность человека к воинскому сословию [2003, с. 126]. С этой точкой зрения можно в принципе согласиться, поскольку из истории Евразии известно, что головные уборы и верхнюю одежду из волчьих шкур, входившие в воинский и охотничий костюмы, носили многие древние и современные народы. Выстраивается последовательная цепочка трансформации меховой куртки тюрко-монгольских народов Центральной Азии: изначально она была одеждой древнетюркского конного воина (возможно, тувинская *хурме* в силу своей архаичности ближе всего куртке-прототипу), затем – воинов более поздних средневековых народов (тюркских и монгольских), тогда же ее стали шить из шкур не только волков, но и других диких, а также домашних животных, она вошла в гардероб женщины, приобрела функции повседневной и промысловой (охотничьей) одежды, наконец, в позднем средневековье у некоторых народов (в т.ч. бурят) модифицировалась – утратила воротник и приобрела подкладку из ткани.

Некоторую неясность в изучение опояски верхней одежды вносят переводы цитируемой работы Э.И. Идеса, когда одни и те же места в тексте подаются по-разному и могут увести читателя от истины. Так, в работе М.П. Алексеева «Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей», изданной в 1941 г., в приводимом отрывке из книги И. Идеса отмечено, что буряты подпоясываются «кушаками или широким поясом, отделанным железом» (цит. по: [Алексеев, 1941, с. 522]), а в последнем переиздании этого же труда [2006, с. 423], как и в отдельном издании дневниковых записей Э.И. Идеса и А. Бранда, кушаки вообще не упоминаются. Небезынтересно, что на гравюре «Буряты», опубликованной в сочинении Э.И. Идеса, у изображенных буряток отчетливо видны матерчатые пояса (рис. 1). Однако сам Э.И. Идес утверждал, что и мужчины, и женщины носили кожаные пояса [Идес,

*«Запон – передник; фартук женский или рабочий мужской, иногда кожаный...» [Даль, 2001, с. 1017].

Рис. 1. Бурятка [Идес, Бранд, 1967, с. 133].

Рис. 2. «Брацкая девушка в Удинском остроге...» [Георги, 1799, с. 33].

Бранд, 1967, с. 134]. Чтобы разобраться в возникшей путанице, нужно рассмотреть, как обстояло дело с этим элементом одежды в последующее время – в XVIII в.

Как отмечали И.Г. Георги и М. Татаринов, у предбайкальских и хори-бурят было принято подпоясывать мужскую верхнюю одежду наборными поясами. М. Татаринов сообщает, что буряты «подпоясывают себя ремнем с пряжкой убранным медными или железными насекомым убором, а у некоторых вставляют королки, камня» (РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 70. Л. 12). В это же время женщины подпоясывали халат шелковым кушаком, его же носили в виде плечевой перевязи [Георги, 1799, с. 32]. Иными словами, в ношении поясов у данных групп бурят имелись гендерные различия: кожаные наборные пояса были мужскими, а тканевые – женскими. Наборные пояса присутствуют и в девичьем костюме; в этом можно убедиться, взглянув на гравюру с надписью «Брацкая девушка в Удинском остроге спереди» в книге И.Г. Георги (рис. 2). Объясняется это тем, что в одежде девушек и девочек сохранялись мужские элементы костюма. Ко второй половине XIX в. традиция меняется; видимо, цветные кушаки наряду с наборными поясами являлись обязательным элементом мужского и девичьего костюмов, но отсутствовали в женской одежде.

В XIX в. наборные пояса известны только у хори-бурят в Забайкалье; они были цельные с серебряными накладными пластинами, орнаментированными в технике чеканки [Павлинская, 1987, с. 37]. В Прибайкалье пояса делали из четырех частей, которые соединялись металлическими кольцами или круглыми металлическими пластинами, декорированными серебряной насечкой. Селенгинские буряты – единственные в изучаемое время имели в костюме мужские кушаки из покупного материала. Логично будет предположить, что именно они являлись проводниками моды на мужские матерчатые пояса. Однако следует помнить, что некоторые предбайкальские буряты [Манжигеев, 1960, с. 162] и хори-буряты [Бадмаева, 1987, с. 51] придерживались традиции изготавливать тканые кушаки из шерстяной нити, которые, вероятно, надевали в будни.

Во второй половине XVIII в. наборные пояса, будучи маркерами субэтнической принадлежности или просто состоятельности, стали и символами власти. Дело в том, что во время подушной переписи 1766 г. бурятские родоначальники (главы территориальных родов и нижестоящие представители родовой знати – шуленги, зайсаны, тологои) были награждены именными кортиками или кинжалами, которые должны были носить на специальных накладных поясах с медными пластинами. На таких поясах гравировкой делали надпись, удостоверяющую, кем является владелец пояса. Вот как об этом пишет И.Г. Георги: «На меди вырезаны следующие (по переводу) слова: знак достоинства для Шуленги, на пример Олхонского по-

колениа, в Иркутском уезде, данный 1766 года» [1799, с. 25]. Впоследствии декоративное оформление поясов менялось, но традиция жаловать их от лица высочайшей императорской особы, благодаря которой эти пояса превращались в атрибут инородческой власти, сохранялась до начала XX в. (рис. 3).

Следует отметить, что в первой трети XVIII в. произошла официальная регламентация одежды правящей элиты забайкальских бурят, эталоном для подражания была выбрана ранжированная (в соответствии со званием и должностью) одежда монгольской знати, ношение которой, в свою очередь, было обусловлено китайско-маньчжурским чиновничьим этикетом. По всей вероятности, придав новшества характер монаршей милости и связав их с введением института тайшей и зайсанов, губернская власть узаконила имевшие место различия в одежде родовых начальников и простонародья. Сайты, правящая прослойка бурятского общества, в отличие от рядовых бурят носили собольи шапки с серебряным навершием *дэнзэ*, в которое были вставлены шарики из полудрагоценных камней (красного коралла, лазурита, горного хрусталя) и цветного стекла, а также халаты из дорогого шелка *магнул* и бархатные сапоги (НАРБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 381. Л. 1 об.). Веяние моды было таково, что через столетие костюм сайтов станет почти народным, его будут носить как мужчины, так и женщины, как светские богачи, так и буддийские служители [Бадмаев, 2008].

Изучение материалов XVIII в. позволяет сделать вывод о существовании у бурят головных уборов как минимум трех типов. Головной убор первого типа – летний, простонародный, выглядел как «небольшая красная суконная шапка с околышем». Возможно, он явился прообразом *тооробшо малгай* и отличался от последнего невысокой тульей и иной расцветкой (у *тооробшо малгай* тулью делали из ткани синего цвета). Головной убор второго типа, распространенный у рядовых предбайкальских бурят, был зимним, изготавливался, по словам И.Г. Георги, из «кож голов оленьих», что четко указывает на его архаичность. Как известно, выбор сибирскими народами в качестве материала для головного убора шкур с голов диких животных, например оленя и волка, определялся не только характеристиками самого меха, но и древней охотничьей магией: считалось, что, надев головной убор из шкуры зверя, охотник приобретал некоторые его способности, магическим образом мог превратиться в само животное. Здесь уместно вспомнить, что и М.Н. Хангалов, описывая одежду предбайкальских бурят, утверждал, что охотники эпохи *зэгэтэ-аба** надевали «шапки из звериных шкур с наушниками», а

* *Зэгэтэ-аба* – период военно-потестарного устройства этносов-предков предбайкальских бурят, особенностью которого было проведение коллективных облавных охот.

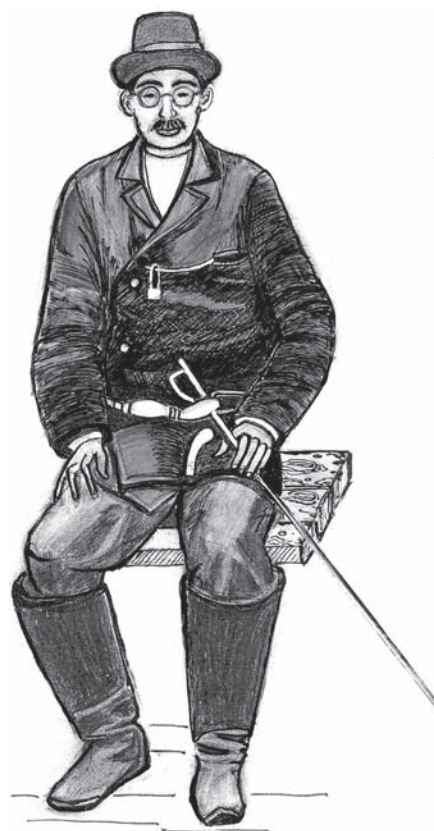

Рис. 3. Предводитель одного из родов племени *булагат*. 1910-е гг., Верхолениский уезд Иркутской губ. (по: [Народный костюм бурят..., 2005, рис. 12].

шапки с приделанными рогами являлись «признаком охотничьей сноровки и храбрости». Традицию изготовления шапок *мяха малгай* из шкуры с головы диких животных, в частности волка, он проследивает и на материалах конца XIX – начала XX в., подмечая, что такой головной убор, считалось, «помогает обмануть зверей, так как зверь их не примет за человека» [1959, с. 177].

Головной убор третьего типа, который становится известен в 1720-е гг. благодаря материалам Д. Белла и Д.Г. Мессершмидта по предбайкальским бурятам, в 1745 г. Я.И. Линденау зафиксировал у тех же бурят, а во второй половине XVIII в. М. Татаринов и И.Г. Георги – у предбайкальских и забайкальских бурят. Головные уборы третьего типа, которые И.Г. Георги относил к зимним и считал принадлежностью родовой знати, описаны им как шапочки «плоские китайские с большою кистью и кругом опушкой из мехов» [1799, с. 31]. Правда, М. Татаринов, давая более подробное описание этих головных уборов, называет их также летними. Их отличительной деталью была кисть *залаа* из скрученных красных нитей

на верхушке тульи; на шапках родовых начальников она, как указывалось выше, дополнялась декоративным серебряным навершием со вставленным камнем. Если у сайтов эта шапка была с опушкой из меха соболя, то у простолюдинов – меха волка и лисы. Для иллюстрации сказанного приведем отрывок из «Описания о Братских Татарах, сочиненного морского корабельного флота штурманом ранга капитана Михаилом Татариновым»: «...как зимой, так и летом шапки мелкие круглые, околыш волчей или лисей наверху, кисть бумаги хлопчатой, а зимой надевают на ушки» (РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 70. Л. 12). По нашему мнению, в приведенной цитате речь идет о предшественнике известного главным образом у забайкальских бурят в XIX в. головного убора *хасаб-шатай малгай*, который со временем обрел островерхую стеганую тулью: у хори-бурят на ней было 11 горизонтальных рядов швов, у селенгинских и части присаянских бурят – 32 ряда вертикальных.

Широкое распространение такого головного убора в XVIII в. у разных этносов – не только у монголов, калмыков, забайкальских бурят, но и у маньчжуров – позволяет предположить, что красные кисти на шапках были не признаком принадлежности к какой-либо монгольской орде, а символическим выражением определенных мировоззренческих представлений. У центрально-азиатских народов красная кисть являлась олицетворением солнца, космической энергии. Украшение головных уборов халха-монголов – сплетенное из красного шелкового шнура навершие в виде знака *улзы* ‘нить счастья’ – тоже несло определенную смысловую нагрузку. Заметим, что в XIX в. *улзы* появился на головных уборах забайкальских бурят, но как свидетельство принадлежности к ламскому сословию [Цыбиков, 1970, с. 78].

К нижней одежде в рассматриваемый период относились только короткие штаны. Рубахи, как отмечает И.Г. Георги, буряты не носили, но летней нижней одеждой у них было «китайчатое полукафтанье», которое этнографами интерпретируется как распашная рубаха *морин самса* [Бадмаева, 1987, с. 42]. Думается, что здесь имелись в виду хори-буряты, которые шили рубахи из китайки. Рубахи из китайской хлопчатобумажной ткани известны и у селенгинских бурят. О *самса*, нижней одежде, которую предбайкальские буряты носили во времена *зэгэтэ-аба*, М.Н. Хангалов пишет следующее: «...узкое и короткое платье, плотно охватывающее тело» [1958, с. 206]. Ясно, что по этому описанию трудно представить, к какому типу принадлежала рубаха предбайкальских бурят. Однако, по утверждению Д.А. Клеменца, в прошлом предбайкальские буряты облачались в *самса* – «короткий меховой камзол» (АИВ РАН. Ф.28. Оп. 1. П. 3. Д. 105. Л. 46). Если вспомнить, что под камзолом подразумевалась мужская одежда распашного

типа, сшитая в талию и надеваемая под кафтан, то становится понятно, что Д.А. Клеменц имел в виду кожаную распашную рубаху, все тот же *морин самса*. Таким образом, рубаха распашного типа из замши или «китайской» ткани встречалась у всех бурят. Можно утверждать, что тканая рубаха соответствовала костюму забайкальских бурят и, безусловно, более или менее состоятельной части предбайкальских бурят, а кожаная рубаха была простонародной одеждой предбайкальских бурят.

Мужские штаны исследователи единодушно причисляют к штанам широким в шаг, которые отличались от однотипных женских образцов тем, что имели надставку, несколько удлиняющую их [Бадмаева, 1987, с. 43]. Зимняя нижняя одежда включала летние штаны, «кальсоны», по выражению Джона Белла [Зиннер, 1968, с. 57], служившие подштанниками, и «весьма длинные и широкие ширавары» (по И.Г. Георги), которые надевали поверх штанов. Заметим, что шаровары также являются широкими в шаг штанами. По нашему мнению, М. Татаринов, отмечая у бурят «штаны летом холодные, а зимой теплые», имел в виду не различия в материале (зимние шили из кожи, а летние – из «китайки»), а то, что в холодное время года для утепления носили двойные штаны. Очевидно, находясь дома или выполняя хозяйственные работы, люди не ходили одновременно в двух штанах, а т.н. шаровары надевали только при верховой езде. В отличие от летних зимние штаны не заправляли в голенище, а натягивали на него. Можно предположить, что на шаровары в дорогу буряты надевали *убдэгэбишэ* ‘наколенники’ из шкуры мелкого рогатого скота. *Убдэгэбишэ* являлись элементом воинской и промысловой одежды. Вероятно, в более раннее время у бурят в костюм всадника входили наколенники, но со временем их заменили меховые, широкие в шаг штаны. Интересно, что в традиционной одежде тувинцев встречаются кожаные штаны *угдешки*, состоящие из двух длинных отдельных штанин, которые надевают поверх штанов и обуви и крепят сбоку к поясному ремню кожаными шнурками [Даржа, 2003, с. 127]. По назначению и конструкции бурятские и тувинские наколенники одинаковы. Учитывая, что тувинское название наколенников восходит к монгольским языкам, правомерно рассматривать возможность заимствования тувинцами наколенников у монголов.

Как следует из источников, столь популярная в XIX в. у забайкальских бурят обувь *эrmэг гутал* в XVIII в. не была знакома бурятам. Правда, замечание И.Г. Георги о схожести одежды селенгинских бурят и калмыков позволяет предположить, что как раз у этой группы бурят обувь была *эrmэг гутал*. Авторы XVIII в. упоминают *годогон* – «сапоги длинные и широкие, меховые и кожаные с закопченными подош-

вами» [Георги, 1799, с. 31]. М. Хангалов, говоря об обуви *хэхэ-годогон*, которую в старину носили предбайкальские буряты, отмечал у нее шишковидный носок, который во время единоборства служил средством поражения противника [1958, с. 207]. Другой вид обуви – меховые (камусовые) унты, также причисленные бурятским этнографом к древней обуви предбайкальских бурят, по данным М. Татаринова, шили из изюбровой или кабарговой кожи. Он же отмечал, что унты были «теплые и холодные», имея в виду, вероятно, сезонные виды обуви – летние и демисезонные *годогон*, зимние камусовые унты.

Зимой под обувь надевали войлочные чулки. Как пишет И.Г. Георги, ноги обертывали еще и «шубными лоскутами» [1799, с. 31], которые, очевидно, представляли собой куски выделанной шкуры собаки, овцы. Сведения об использовании шкур животных в качестве портянок в более позднее время отсутствуют, этому есть объяснение: в XIX в. буряты обычно носили войлочные, вязаные шерстяные и изредка матерчатые чулки.

В материалах XVIII в. встречаются краткие описания женской одежды бурят, но на их основе можно реконструировать женский костюм. Авторы того времени отмечали однотипность женского и мужского костюмов, но при этом выделяли основные особенности одежды женщин. Например, описывалась специфика праздничной одежды. Женские халат и шуба, по словам исследователей XVIII в., были красочнее и более эстетически привлекательнее («шепешнее»), чем мужская верхняя одежда. Обязательным элементом женского костюма являлась безрукавка, которая была двух видов – длиннополая и короткая (с узкой спинкой) «душегрея». У селенгинских буряток длиннополая безрукавка была сшита из «китайки» или шелка и отделана по краям бисером [Там же, с. 42].

Отдельно выделялась девичья одежда: по сравнению с женскими и мужскими головными уборами шапочки девушек (по-видимому, *тооробшо малгай*) имели более широкий околыш размером «в большой перст». Возможно, был еще один тип девичьего головного убора с высокой конической тульей, стеганой и крытой тканью с меховым околышем; его изображение дается на упомянутой гравюре «Брацкая девушка в Удинском остроге». Девушки забайкальских бурят на халат надевали короткие безрукавки-лифы, спинки которых были «испещрены змеиными головками, бисером, шнурками и брякушками» [Там же, с. 32]. Эта одежда, если верить словам ученого, характерная для отдельных групп предбайкальских бурят, изображена на рисунке «Брацкая девушка в Удинском остроге сзади» в книге И.Г. Георги. Буряты, якуты и южно-сибирские народы «змеиными головками» называли раковины каури (например, Д.А. Функ

пишет о *т'ылан-баи* 'змеиной голове', украшавшей косы девушек-телеуток [1993, с. 135]).

Сведения М.Н. Хангалова позволяют обрисовать в общих чертах этнолокальные особенности женского костюма предбайкальских бурят. Зимняя одежда буряток включала крытую или нагольную овчинную шубу и *дэглээ* – длиннополую безрукавку с разрезом сзади. При верховой езде на шубу надевалась *бэлэбши* – меховая юбка-накидка, сшитая из волчьих лап, с тремя большими карманами для дорожной провизии и разрезом сзади [1958, с. 270]. В «Бурятско-русском словаре» К.М. Черемисова слово *бэлэбши* приведено в ином значении – *бэлхэбшэ* 'широкий меховой пояс'; отсюда следует, что название меховой юбки производно от *бэлхууһэн* 'талиа, поясница' [1973, с. 131]. Возможно, первоначально меховой пояс, который надевали, чтобы защитить поясницу, претерпевая изменения (у него появились надставки из волчьих камусов понизу), приобрел форму юбки, основное назначение которой было беречь полы верхней одежды во время конных путешествий. В XIX в. такие юбки выходят из повседневного обихода и сохраняются как элемент ритуального (свадебного) одевания.

Заключение

Таким образом, в XVIII в. в народном костюме бурят произошли изменения: выделилась одежда родовой знати и буддийского духовенства, социальных групп, авторитет которых в народе был поддержан российской властью. Одежда остальных слоев бурятского общества дифференцировалась по материалу (ткань, мех и кожа). Представители состоятельной прослойки во всех группах бурят предпочитали ценные меха для отделки и дорогие сорта китайских тканей для оформления верха верхней одежды, тульи головного убора, голенищ обуви. Менее состоятельные забайкальские буряты для тех же целей использовали менее ценные меха и недорогие китайские ткани (сукно, бумазея). У рядовых предбайкальских бурят, которые традиционно шили одежду из местного кожного сырья, получаемого от пушной охоты и занятия скотоводством, сохранялся прежний архаичный костюм. На развитие бурятской одежды влияло расширение российско-китайской и внутривосточной торговли. Региональная и этнолокальная специфика бурятской одежды складывалась на фоне еще не завершившихся процессов формирования этноса, продолжающейся миграции. Одежда родов и племен, вовлеченных в процесс формирования бурятского народа, в XVIII в. коренным образом не изменилась – для забайкальских бурят был характерен восточно-азиатский тип одежды, для предбайкальских – южно-сибирский. Влияние русских на костюм бурят было еще незаметно.

Список литературы

- Алексеев М.П.** Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. Введение, тексты и комментарии. XIII–XVII вв. – 2-е изд. – Иркутск: Иркут. обл. изд-во, 1941. – 612 с.
- Алексеев М.П.** Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. Введение, тексты и комментарии. XIII–XVII вв. – Новосибирск: Наука, 2006. – [Т.] LXXII. – 504 с.
- Аникин А.Е.** Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. – М.; Новосибирск: Наука, 2000. – 768 с.
- Бадмаев А.А.** О новациях в народной одежде селенгинских бурят в середине XIX в. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – Т. XIV. – С. 296–299.
- Бадмаева Р.Д.** Бурятский народный костюм. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1987. – 142 с.
- Бурятско-русский словарь** / сост. К.М. Черемисов. – М.: Сов. энциклопедия, 1973. – 804 с.
- Георги И.** Описание всех обитающих в Российском государстве народов и их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, вероисповеданий и прочих достопамятностей. – СПб., 1799. – Ч. IV. – 376 с.
- Гирченко В.П.** Русские и иностранные путешественники XVII, XVIII и первой половины XIX веков о бурят-монголах. – Улан-Удэ: Гос. бурят-монгол. изд-во, 1939. – 92 с.
- Даль В.И.** Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М.: ООО «Издательство АСТ»; ООО «Издательство Астрель», 2001. – Т. 1. – XXVI, 1158 с.
- Даржа В.К.** Лошадь в традиционной практике тувинцев-кочевников. – Кызыл: Тувинский Ин-т комплекс. освоен. природ. ресурсов СО РАН, 2003. – 184 с.
- Залкинд Е.М.** Общественный строй бурят в XVIII – первой половине XIX в. – М.: Наука, 1970. – 400 с.
- Зиннер Э.П.** Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. – Иркутск: Вост-сиб. кн. изд-во, 1968. – 248 с.
- Идес И., Бранд А.** Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695) / вступит. статья, пер. и коммент. М.И. Казанина. – М.: Гл. ред. вост. лит., 1967. – 404 с.
- Линденау Я.И.** Описание народов Сибири (первая половина XVIII в.). Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока. – Магадан: Кн. изд-во, 1983. – 176 с.
- Манжигеев И.М.** Янгутский бурятский род (опыт историко-этнографического исследования). – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1960. – 233 с.
- Народный костюм бурят** в фотографиях конца XIX – начала XX в. (Из фондов Музея истории Бурятии им. М.Н. Хангалова). – Улан-Удэ: НоваПринт, 2005. – 17 с.
- Павлинская Л.Р.** Художественный металл бурят XIX – начала XX в. в историко-этнографическом аспекте: дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1987. – 208 с.
- Попов Н.** Очерки старой ямщины в Прибайкалье // Жизнь Бурятии. – 1925. – № 3/4. – С. 91–95.
- Потанина А.В.** Буряты: Этнографический очерк. Из наблюдений над жизнью бурят // Сибирский сборник. – 1890. – Вып. 1. – С. 170–178.
- Путешествие по указу Петра I.** Из дневника Д.Г. Мессершмидта – исследователя народов Сибири. 1721–1725 гг. // Исторический архив. – 2003. – № 2. – С. 21–25.
- Функ Д.А.** Бачатские телеуты в XVIII – первой четверти XX века: историко-этнографическое исследование. – М.: Наука, 1993. – 325 с. – (Народы и культуры, вып. XVII: Телеуты, кн. 2).
- Хамарханов А.З.** О культуре и быте монгольских народов в труде Н. Витсена «Северная и Восточная Тартария» // Культурно-бытовые традиции бурят и монголов. – Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1988. – С. 143–161.
- Хангалов М.Н.** Собрание сочинений. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. – Т. 1. – 551 с.; 1959. – Т. 2. – 444 с.
- Цыбников Б.Д.** Обычное право селенгинских бурят. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1970. – 283 с.

Материал поступил в редколлегию 09.02.09 г.